

Реалистическая феноменология права Н. Н. Алексеева

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность представленной статьи обусловлена необходимостью поиска новых направлений научного правопонимания, одно из которых – реалистическая феноменология права – намечен в трудах выдающегося русского правоведа XX в. Н. Н. Алексеева. В статье проводится анализ его взглядов на феноменологическую методологию права, определяются отличительные особенности подхода учёного к правовой реальности. С позиций феноменологической философии даётся целостное описание права как реальности полностью рационально не постигаемой. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в отечественном правоведении Н.Н. Алексеев выступает как основоположник отдельного направления правопонимания – реалистической феноменологии права, методология которой обосновывается в контексте постнеклассического правоведения.

Ключевые слова: феноменология права, феномен права, правовые ценности, субъект права, правообязанность.

Для цитирования: Архипов С. В. Реалистическая феноменология права Н. Н. Алексеева // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 8–30. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8. EDN: FSSMQN

Original article
UDC 340
EDN: FSSMQN
DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8

Realistic Phenomenology of Law by N. N. Alekseev

Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the presented article is due to the need to search for new directions of scientific legal understanding, one of which – the realistic phenomenology of law – is outlined in the works of the outstanding Russian jurist of the XX century N. N. Alekseev. The article analyzes N. N. Alekseev's views on the phenomenological methodology of law, identifies the distinctive features of the scientist's approach to legal reality. From the standpoint of phenomenological philosophy, a holistic description of law is given as a reality that is not fully rationally comprehended. The conducted research allows the author to conclude that N. N. Alekseev acts in Russian jurisprudence as the founder of a separate field of legal understanding – the realistic phenomenology of law, the methodology of which is justified in the context of post-non-classical jurisprudence.

Key words: phenomenology of law, phenomenon of law, legal values, subject of law, legal obligation.

For citation: Arkhipov, S. V. (2025) Realisticheskaya fenomenologiya prava N. N. Alekseeva [Realistic Phenomenology of Law by N. N. Alekseev]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 8–30. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8. EDN: FSSMQN

Введение

Научное наследие выдающегося русского правоведа Н. Н. Алексеева (1879–1964 гг.) привлекает внимание оригинальностью методологического подхода к построению концепции права. Н. Н. Алексеев – один из немногих отечественных мыслителей, кто последовательно исследовал сущность права через феноменологическую философию. Фундаментальная работа ученого «Основы философии права» (Прага, 1924 г.) раскрывает особенность феноменологического правопонимания Н. Н. Алексеева, оригинальность которого, по-видимому, не в полной мере осознается современными исследователями.

Можно утверждать, что Н. Н. Алексеев наряду с немецким правоведом Адольфом Райнахом (1883–1917) заложил основы для самостоятельного направления научного правопонимания – реалистической феноменологии права, методологические основы которого вполне соотносимы с постнеклассическим правоведением. Актуальность исследования феноменологического подхода Н. Н. Алексеева обусловлена необходимостью определения сущности права с позиций современной феноменологической философии и новых постнеклассических подходов к праву.

Феноменологический метод

Становление Н. Н. Алексеева как ученого происходило в первое десятилетие XX в., когда феноменологическая философия только начинала свое формирование. Основоположник феноменологии немецкий философ Эдмунд Гуссерль, пытаясь преодолеть релятивизм позитивистского подхода, редуцировал всю реальность к индивидуальному сознанию, природа которого трансцендентальна относительно человека. Не человеку принадлежит сознание, а сознание (в терминологии Э. Гуссерля, «трансцендентальное Его») первично по отношению к человеку. В этом случае

все объекты окружающего мира являются феноменами сознания [6, с. 355–389]. К таким объектам также относятся телесность и психика человека (в терминологии Э. Гуссерля, «психофизическое Его»). Интенциональность сознания на реальный или мнимый предмет определяет особенность нашего восприятия. Иными словами, воспринимается не сам предмет, а интенциональный акт сознания. Совокупность интенциональных актов переживается как кажущаяся совокупность свойств предмета (цвет, звук, объем, твердость и т. д.). Эта целостная совокупность определяется Э. Гуссерлем как «феномен». Таким образом, по Э. Гуссерлю, первичная реальность истинного Я порождает феномены окружающего мира и феномен самого человека (вторичная феноменологическая реальность), в то время как объективная реальность предметов этого мира скрыта от восприятия [7, с. 13]. Можно сказать, что, поскольку человек не способен воспринимать / осознавать всю сложность бытия, наше сознание (трансцендентальное Его) «объясняет» предмет применительно к ограниченным познавательным возможностям субъекта. Такое «объяснение», по Э. Гуссерлю, не обман, а относительная истина о воспринимаемом предмете. Таким образом, феноменологическая философия отстаивает идею, что каждое истинное Я человека обладает знанием относительной истины всех явлений этого мира. Указанное обстоятельство позволяет осуществлять коммуникацию между субъектами. В противном случае субъективизм воспринимаемой реальности не позволял бы людям понимать друг друга. Осознание собственного Я позволяет признавать за явлением Другого существование иного трансцендентального сознания. Такое интуитивное взаимное признание порождает intersubъективную феноменологическую реальность.

По Э. Гуссерлю, психика человека искажает «чистые» феномены осознания относительной истины, поэтому

люди имеют разное представление об окружающем мире. Если бы все люди очистили своё сознание от наслоений психического (Э. Гуссерль называет этот метод «феноменологической редукцией» или «эпохе»), то обнаружилось бы тождество истины в сознании разных людей. Однако, поскольку большинство людей отождествляют себя с феноменом психофизического Его, т. е. с реакциями собственной психики и собственного тела, аподиктическое знание о реальности остается скрыто от их внешнего восприятия [6, с. 365].

Таковы основные начала философии Э. Гуссерля, ставшего основоположником так называемой *трансцендентальной феноменологии*. В 1908 г. Н. Н. Алексеев посещает Германию с целью подготовки к защите магистерской диссертации в Московском университете. Он стажировался в знаменитом Гейдельбергском университете, где в эти годы преподавал Э. Гуссерль и А. Райнах. Известно, что Н. Н. Алексеев присутствовал на лекциях Э. Гуссерля, что позволило русскому учёному в своих работах использовать феноменологический подход к осмыслению права и государства.

Однако А. Райнах не просто продолжил дело своего учителя – Гуссерля, но и творчески переосмыслил его идеи. Ранняя трагическая смерть учёного прервала разработку иного направления феноменологии, но сделанного Райнахом хватило, чтобы по праву считать его основоположником самостоятельного направления феноменологической философии – реалистической феноменологии, а в области права создателем (наряду с Алексеевым) нового направления правопонимания – реалистической феноменологии права.

В отличие от Гуссерля, представлявшего мир, в который погружён человек, как исключительно мир феноменов, а индивидуальное сознание (трансцендентальное Его)

выносившего в сферу трансцендентального, для А.Райнаха реальность – это сочетание феноменов индивидуального сознания и необъективированной невыражаемой реальности надиндивидуального. В своей концепции права Райнах исходит из допущения онтологической реальности всеобщего в праве. Всеобщее имеет эйдети-ческую природу, т. е. не является результатом логических операций. Всеобщность «не присуща ни положениям, ни суждению, ни познанию, "полагаемому"... положению дел» [17, с. 157]. Применительно к праву всеобщность определяется Райнахом как «априорные основания права». Эти основания права не имеют объективированного выражения, однако являются причиной формирования индивидуальным сознанием феноменов права. Своеобразным триггером формирования феномена является осуществление социального акта, связанного с юридической обязанностью – договор или обещание. Полное осознание такого социального акта приводит к возникновению феномена, связанного с тем или иным аспектом права. Таким образом, правовая реальность, по Райнаху, предстаёт в виде *априорного надиндивидуального беспредметного начала* и в виде сформированного в результате осознания опыта социального акта *феномена права*. Этого понимания основ права не могло быть у тех правоведов, которые использовали в своих размышлениях феноменологический подход Э. Гуссерля, для которого существующая реальность – феномены трансцендентального субъекта (сознания, находящегося за пределами чувственного мира и полностью определяющего феноменологическую реальность). Согласно позиции А. Райнаха, помимо феноменов сознания, в мире присутствует надиндивидуальная реальность. В этом проявляется своеобразие реалистической феноменологии права как самостоятельного направления правопонимания.

Как уже было сказано, Н. Н. Алексеев начинал формировать свою концепцию права в годы, когда феноменологическая философия делала свои первые шаги. По этой причине российский правовед, по-видимому, не вполне осознавал принципиальные различия между подходами сторонников трансцендентальной и реалистической феноменологии. В своей работе «Основы философии права» Алексеев описывает феноменологический подход сквозь призму взглядов Райнаха, многочисленные ссылки на которого имеются в тексте. При этом оригинальные взгляды Райнаха трактуются Алексеевым как общепризнанные, характерные для феноменологического подхода в целом. Создавая свою самобытную концепцию права Н. Н. Алексеев придерживался в целом подхода А. Райнаха, внося свой вклад в становление реалистической феноменологии права. «Феноменология как интуиция всеобщего, – пишет Н. Н. Алексеев, – как способ вчувствоваться и вмыслиться в идеи есть познавательный приём, открывающий перед нашим умственным взором ряд совершенно новых, почти что неизведанных отношений. Феноменология открывает перед нами новый мир духовных предметов...» [1, с. 38].

Иными словами, согласно Н. Н. Алексееву, феноменология как способ или метод познания описывает целостность (всеобщность) права, которая постигается только в сознании, а не через описание эмпирических фактов. Познание эмпирических отношений в области права требует других приёмов исследования. Для Н. Н. Алексеева феноменология – метод интуитивного познания всеобщего в праве через описание феноменологической реальности права. Однако такая реальность исторически изменчива, поэтому всеобщее в праве в разные эпохи будет описываться по-разному. В этом, по мнению Н. Н. Алексеева, отличие феноменологии от метафизиче-

ского подхода. «Отождествление метафизики с феноменологией обозначило бы отрицание самостоятельности временного, исторического, фактического бытия... самые загадочные явления этого мира неопределимы с точностью самоочевидных истин, не выразимы в априорных суждениях и могут быть схвачены только в смутном предчувствии...» [1, с. 40]. Подобный подход позволяет утверждать, что реальность всеобщности права выражается в форме исторической и культурной (в терминологии Алексева, временной) рациональности.

Всеобщность права в концепции Н. Н. Алексева

Всякое определение права, с точки зрения Н. Н. Алексева, порождает одномерное восприятие права. «Право есть норма», «право есть воля», «право есть интерес», «право есть свобода» и т. д. – все эти определения абсолютизируют только одну сторону права, тем самым, исключая все иные измерения права [1, с. 71]. Однако право не сводится лишь к формальному перечню различных аспектов права. Право представляет собой единство, сущность которого характеризуется многообразием элементов структуры. Единство структурных элементов порождает эмерджентное качество целого; качество, которое не может быть выражено в рациональной форме. Можно лишь указать на условие возникновения этого качества. «Нет ничего удивительного, – пишет Н. Н. Алексеев, – что феноменальная структура права предстанет перед нами, как некоторое многообразие, как единство нескольких измерений, подобное единству пространства, измерения которого представляются в конце концов некоторыми основными данностями, определяющими его структуру» [1, с. 71]. Всеобщее не может быть познано эмпирическим путём, но лишь через интуитивное прозрение. Это положение является основным для

реалистической феноменологии, в том числе и в области права. Как указывает феноменолог Д. фон Гильдебранд, «априорное познание означает ... познание положений дел, которые, 1) как таковые необходимо коренятся в необходимых единствах так-бытия и 2) могут быть либо принципиально с абсолютной достоверностью усмотрены нами... в созерцании... либо дедуктивно выведены из непосредственно усматриваемых необходимых положений дел» [8, с. 191–193]. На невозможность полной определенности права указывает В. В. Бибахин. «Право останется неправом, если формализует всё, не оставив места для неуловимых вещей, – пишет В. В. Бибахин, – всё вывести из тени на свет невозможно... В области неприемного – не скрываемого, а невидимого располагаются самые действенные вещи» [5, с. 100]. Позицию Н. Н. Алексеева можно трактовать следующим образом. Право предстаёт в виде следующей цепочки взаимосвязанных сторон бытия: 1) ценности, как «невидимые вещи» или идеальный объект бытия; 2) данности как ценности, индивидуализированные в сознании субъекта, 3) феномены права как объективное «объяснение» сознанием данности через социальные явления (в первую очередь, правомочия и правообязанности). Как подчеркивает Е. А. Фролова, данность в этом случае «имеет характер истинной достоверности и указывает на присутствие самого предмета в познавательном акте», а высказываемые суждения предстают не как субъективные мнения, а как объективные истины [23, с. 231].

Критикуя иные подходы к праву, Н. Н. Алексеев указывает, что естественно-правовой подход, абсолютизируя первичную реальность права в отрыве от эмпирических элементов структуры, создает нежизнеспособную умозрительную конструкцию, оторванную от реальной жизни. С другой стороны, позитивисты совершают ошибку

противоположного рода, абсолютизируя эмпирическую сторону права. Так, анализируя подход к праву О. Гирке, Алексеев указывает на противоречивость позитивизма при описании всеобщности права. «Основной ошибкой Гирке, – отмечает Алексеев, – нужно признать то, что структуру права он определяет на основании явлений положительного права, иными словами, эйдетическую проблему он пытается решить путём чисто фактического исследования» [1, с. 71].

Столь же ошибочным можно считать мнение Б. В. Назмудинова, пытающегося соотносить концепцию структуры права Алексеева с проблемными вопросами структуралистов [13, с. 99–100]. Сторонники структурализма в юриспруденции анализируют социальный контекст, определяющий смысл явлений. В этом случае исследуются исключительно социальные факты как эмпирическое обоснование структурного единства. Однако особенностью реалистической феноменологии Алексеева заключается в описании структуры права как внесоциальной реальности, не только не обусловленной социальным контекстом, но, напротив, выступающей первопричиной отдельных социально-правовых явлений.

Согласно Алексееву, структура права представлена следующими элементами: 1) субъект, осуществляющий акт признания ценностей; 2) обнаруживаемые в акте признания ценности; 3) основные определения, характеризующие правовое отношение ценностей между собой, а также к их носителям. Как справедливо указывает И. В. Борщ, ни один из этих элементов не является правовым в отрыве от целого – единства структуры права, которая есть "точка пересечения", их связь, образ этой связи, в силу которой они приобретают правовой характер» [4, с. 59].

По мнению А. В. Полякова, введением в свою концепцию понятия «структура права» «Н. Н. Алексеев, наряду с таки-

ми мыслителями как Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, И. А. Ильин, С. Л. Франк и др. прокладывал дорогу т. н. интегральному правоведению, с которым Россия войдет в новое тысячелетие» [16, с. 236]. К этому можно добавить, что интегральное правоведение предполагает обоснование концепции в рамках постнеклассической методологии права. В этой связи концепцию права Алексева можно рассматривать как удачный пример сочетания постнеклассической методологии – реалистической феноменологии, а также постнеклассической интегративной теории права, представленной как иерархически сложная саморазвивающаяся система бытия права.

Право и нравственность, в представлении Алексева, есть результат интеграции ценностей, субъекта и отношений между ними. Различие между правовым и нравственным проводится ученым по степени глубины переживания ценностей. Наивысшая ступень переживания, эмоционально охватывающая и преобразующая природу субъекта – нравственное начало, внешне выражающееся в моральном обязательстве. «Обещание может владеть душою настолько, – пишет Алексеев, – что вытекающая из него верность слову становится как бы второй природой обещавшего, получает в нём максимальную адекватацию [1, с. 68]. В отличие от нравственности, право – более поверхностная ступень отношения к ценностям. Для Алексева правовое отношение выражается через понятие «признание». Как указывает Алексеев, «под признанием мы разумеем особое отношение к ценностям, сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними» [1, с. 69]. Таким образом, признание порождает право как единое, объединяющее элементы правовой структуры: субъект, ценности и отношения между ними. Тем самым каждый из элементов структуры становится правовым в силу такого признания. Всё это

позволяет сделать вывод о том, что Алексеев определяет право как менее совершенное средство (способ) духовного объединения людей, чем нравственность. В этом видится традиция, заложенная русской религиозной философией (В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев). Так, В. С. Соловьев понимает право как «принудительное требование реализации нравственного минимума» [2], с. 448–450], т. е. существование права всего лишь обусловлено невозможностью достижения нравственного максимума. Для персоналиста и экзистенциалиста Н. А. Бердяева право выражается в господстве общества над личностью, где общественная мораль подменяет собой личную совесть, а творческие силы личности ограничиваются необходимостью подчинения государству [10, с. 48]. В этом смысле нравственность для Н. А. Бердяева стоит выше права как интеграционного начала.

Для Н. Н. Алексеева истинная нравственность – удел немногих, подобно тому, как немногие обладают талантом в сфере науки или искусства. Но каждый человек способен признавать ценность научных достижений или произведений искусства. В подобных актах признания Алексеев видит правовое начало [1, с. 70].

Ценность как элемент структуры права

Наиболее важным (глубоким) элементом правовой структуры Алексеев называет субъекта или носителя обнаруживаемых в праве ценностей [1, с. 78]. Но понимание субъекта невозможно без понимания ценностей. Самые распространённые подходы выражаются в трактовке ценности как переживания значимости какого-либо объекта; как цели, к которой устремлён индивид. В этом случае можно говорить об антропологичности ценности – её зависимости от воспринимающего субъекта. В отличие от названных подходов к пониманию ценности,

реалистическая феноменология Алексеева постулирует идею объективно существующей реальности, чье существование не зависит от воспринимающего субъекта. В этом положении Алексеев следует подходам феноменолога А. Райнаха, а также своего учителя, неокантианца П. И. Новгородцева, который связывал существование права с общественным идеалом, имеющем внесоциальную природу. Как пишет Новгородцев, «речь идёт в таком случае не о тех изменчивых исторических идеалах, которые различаются от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений, а о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же, и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни» [14, с. 55]. «Необходимо иметь уверенность, – подчёркивает Новгородцев, – что этот идеал есть не отвлечённая норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью, что человеческие дела могут приобщаться этой высшей правде и проникаться ею» [14, с. 60]. Схожим образом рассуждает А. Райнах, говоря об «априорных основаниях права» как «невидимой вещи» бытия. «Те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, – пишет немецкий правовед, – обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права» [17, с. 156]. Априорные основания права не принадлежат ни к физической, ни к психической природе человека, в то же время «отличаются и от идейных представлений своей темпоральностью» [17, с. 158].

Алексеев следует в восприятии ценностей трактовкам Новгородцева и Райнаха. «Ценности, – пишет Алексеев, – суть род "идеальных объектов", между которыми наблюдаются особые научно-познаваемые отношения и связи,

особый, независимый от опыта априорный порядок» [1, с. 96]. При таком подходе к ценностям невозможно согласиться с Е. А. Куликовым, который интерпретирует понимание ценностей Алексеевым как содержание эмоций и переживаний индивида [12, с. 270]. По Алексееву, ценности предшествуют психическому и социальному, выступая как эйдетическая реальность бытия. Д. Гильдебранд пишет о фундаментальном различии между онтологическими и качественными ценностями. Онтологические ценности имеют самостоятельную природу, определяют природу человека, в то же время как качественные ценности зависят от самого человека. Онтологические ценности, по мнению Гильдебранда, выражают сущность человека, в то время как качественные ценности выражают смысл его существования [9, с. 709–711]. Очевидно, что ценности, о которых говорит Алексеев, относятся именно к онтологическим. Русский правовед И. А. Ильин развивал схожие идеи, когда писал об объективно существующих началах в правосознании человека. «Глубокий недуг современного правосознания», по мнению Ильина, заключается в неверии человеком в объективное самопознание через собственный духовный опыт, что приводит к «бесплодному субъективизму и беспочвенному релятивизму» [11, с. 20–22]. Объективно существующие начала (в терминологии Ильина – «аксиомы правосознания») определялись ученым как «основные способы бытия, мотивирования и действия» [11, с. 47]. «В основе всякого решения о том, что «правильно», – пишет И. А. Ильин, – лежит необходимо некоторая, открыто или тайно признаваемая ценность...» [11, с. 53].

Таким образом, посредством осознания субъектом ценности права соединяют реальность нефеноменологическую (необъективированную) с реальностью феноменов права. Однако сама ценность существует независимо

от своего проявления в эмпирической реальности бытия [1, с. 106]. Поэтому, по Алексееву, ценности права трансцендентны сознанию субъекта до момента осуществления «признания» и имманентны ему после совершения акта «признания». Как пишет Алексеев, «истинное обоснование ценностей может дать только то метафизическое и религиозное мирозерцание, которое примирит между собой имманентизм и трансцендентализм» [1, с. 107].

М. И. Пантыкина обращает внимание, что исследование Н. Н. Алексеевым структуры права предполагает использование двух видов феноменологической редукции: эйдетической и трансцендентальной [15, с. 9–10]. Эйдетическая редукция понимается как полное абстрагирование от иных явлений жизненного мира, их удаление из поля нашего внутреннего сосредоточения – «ссылки на "другое" не дают никакой твёрдой уверенности, что мы приближаемся... к определению неизвестного» [1, с. 53]. Результатом осуществления эйдетической редукции является осознание индивидом сущности права (идеация права). О принципиальной возможности непосредственного усмотрения сущности заявлял А. Райнах [18, с. 358].

По мнению М. И. Пантыкиной, Алексеев дополняет эйдетическую редукцию иным подходом. «Переход от эйдетической редукции к трансцендентальной, – пишет М. И. Пантыкина, – ведёт к обнаружению первоисточников опыта...» [15]. Таким первоисточником является ценность, признаваемая субъектом права. Однако, в отличие от Э. Гуссерля, для Н. Н. Алексеева ценность как таковая трансцендентна, но не трансцендентальна. Поэтому редукцию, о которой пишет М. И. Пантыкина, не вполне корректно называть трансцендентальной.

Акт признания существования независимой от социальной и психической реальности ценности возможен только путём смещения естественной установки воспри-

ятия к установке феноменологической, т. е. переживания «жизненного мира» как вторичной реальности феноменов по отношению к первичной реальности ценностей. «Если мы назовём Я, погружённое в мир при естественной установке... заинтересованным в мире, – пишет Э. Гуссерль, – то изменённая и постоянно удерживаемая феноменологическая установка состоит в расщеплении Я, при котором над наивно заинтересованным Я утверждается феноменологическое, как незаинтересованный зритель» [6, с. 365]. Но это возможно не только в отношении чистого смысла конкретного предмета познания, а в отношении мира в целом. Как справедливо указывает А. В. Стомба, в этом случае объект феноменологического восприятия для Н. Н. Алексеева не только всеобщее в праве, но и мир в целом [22, с. 103].

Объективация ценностей в мире феноменов происходит через их носителей – материальных объектов, духовных явлениях и даже самого человека [1, с. 108–110]. В этом понимании феноменологической природы ценностей Алексеев следует идеям М. Шеллера, который различал сами ценности и их носителей – блага, вещи, личности, состояния вещей, – всё то, через что ценности становятся действительными [24, с. 381]. Как указывает Алексеев, «часто упускают из виду, что не личность, сама по себе, а определенные её свойства являются предметом правовой защиты и правового признания» [1, с. 111].

Двойственная природа субъекта права

В рамках такого подхода ценность выступает идеей (эйдосом) совершенства определённой степени, которая (степень совершенства) может быть достигнута в пределах феноменологической реальности [1, с. 100]. Соприкасаясь с ценностью, эмпирическое существование человека приобретает смысл высшего предназначения жизни,

«становится самоцелью, приобретает нравственно оправданную способность самоопределения – способность, освященную той ценностью, которая в нём приобрела своего носителя» [1, с. 100–101]. В этом значении субъект права (другой элемент структуры права) для Алексеева не человек, а феномены ценности права, возникающие в сознании индивида. При этом сам человек выступает носителем феноменов этих ценностей, а не их сутью [1, с. 84]. Другим аспектом субъекта права выступает его признание как деятеля. При этом субъект права становится таковым при условии воплощении в деятельности феноменов ценностей права [1, с. 84–85].

Необходимо напомнить, что феноменологический метод, применяемый Алексеевым, предполагает аподиктическую истинность феноменов права, возникающих в сознании индивида. Феномен права – не субъективное мнение о праве конкретного индивида, а сконструированный естественным образом на основе ценности (высшая реальность) феномен восприятия этой ценности. Такие феномены права в сознании людей являются относительной истиной о высшей (нефеноменологической) реальности бытия. Как указывает Алексеев, двойственность субъекта как носителя юридического осмысления и юридического деятеля можно пояснить через понятия права и обязанности. Индивид, по Алексееву, выступает одновременно и как носитель права, и как носитель обязанности. Это связано с тем, что в результате признания возникает субъект права как ценность, выражающий модус правомочия, а также субъект деятельности, выражающийся в модусе обязанности реализации правомочия (права) [1, с. 86]. Поэтому понятия «правомочия» и «правообязанности» выступают для Алексеева основными определениями правовых явлений (третий элемент структуры права).

Основные определения правовых явлений

Связь правомочия и обязанностей осуществляется в самом индивиде (между субъектом как ценностью и субъектом как деятелем), а не между физическими или юридическими лицами в рамках конкретных правоотношений. В этом принципиальное отличие концепции Алексеева от распространённого подхода к правовой природе взаимосвязи правомочия и обязанности. В силу этого подхода трудно согласиться с трактовкой концепции Н. Н. Алексеева, предлагаемой Б. В. Назмутдиновым. Пытаясь раскрыть содержание идеи Алексеева о взаимосвязи правомочия и обязанности, Назмутдинов приходит к выводам, полностью противоречащим взглядам русского правоведа. «Если лицо обладает каким-либо ценным имуществом... он является управомоченным, – пишет Назмутдинов, – тогда как другой признаёт за ним это свойство и не посягает на него, становясь лицом обязанным» [13, с. 107]. Не во взаимодействии с Другим рождается связь правомочия и обязанности, а в различных аспектах единого субъекта права.

При этом, как указывает Алексеев, субъект как деятель может обладать внутренним, органическим сочетанием прав (правомочий) и обязанностей. Такое сочетание Алексеев называет *правообязанностью* [2, с. 158]. Для русского правоведа это наиболее желательный тип правоотношений, основанный на одновременном признании у субъекта и правомочия, и обязанности. В качестве примера учёный приводит понятие компетенции государственного органа или должностного лица. Так, *право* должностного лица на арест подозреваемого сочетается с необходимостью исполнения *служебной обязанности* [2, с. 158–159]. Очевидно, что в этом рассуждении Алексеева имплицитно содержится отказ от четкой дифференциации прав и обязанностей по отраслям права. Только

в этом случае право должностного лица в рамках административных отношений может быть дополнено трудовой обязанностью. Позицию Алексеева можно понимать следующим образом: такая дифференциация отраслей права разрушает единство субъекта как ценности и субъекта как деятеля, поскольку отрыв обязанности от права (правомочия) означает одновременно разрыв с ценностью как элементом структуры права. С другой стороны, по мысли Алексеева, распространение правоотношений на основе правообязанности создаёт условия для гармоничного развития государства. «В таком государстве, – пишет Н. Н. Алексеев, – поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением... не рабским, но свободным... как свобода органической принадлежности к целому» [2, с. 160]. Таким образом, реалистическая феноменология права русского правоведа выступает обоснованием самобытной концепции государства.

Заключение

Судьба правовых идей Н. Н. Алексеева парадоксальна. С одной стороны, очевидное признание оригинальной концепции права и связанной с ней теорией гарантийного государства [3, с. 33–40]; признание заслуг учёного в становлении евразийского движения [19, с. 52]. С другой – столь же очевидное игнорирование феноменологического аспекта этих идей, связи концепции с феноменологической методологией, а через неё с постнеклассическим правоведением, представленным интегративными теориями права. Как справедливо замечает А. В. Скоробогатов, «лишь в последние годы методологический вклад Н. Н. Алексеева в становление интегративного правопонимания был признан отечественной юриспруденцией» [20, с. 67]. Как представляется, самобытность концепции права Н. Н. Алексеева необходимо

анализировать в неразрывной связи с осмыслением оригинальной методологии учёного. Только через призму феноменологического подхода к праву возможно увидеть новое направление идеалистической философии права, кардинально отличающегося от социологического и позитивистского правопонимания.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- объяснение Н. Н. Алексеевым всеобщности права (права как единого) предполагает сосуществование двух правовых реальностей: 1) независимая от сознания и социальных взаимодействий эйдетическая реальность ценностей и 2) реальность феноменов сознания индивида относительно эйдетических ценностей;

- субъект права предстаёт органическим единством субъекта как ценности и субъекта деятельности;

- механизм правогенеза напрямую связан с интеллектуальным признанием ценности, что порождает структуру права как взаимодействие ценностей и субъекта права между собой через осмысление прав (правомочий) и обязанностей;

- предложенная Н. Н. Алексеевым концепция права основывается на основных положениях реалистической феноменологии, отличительной особенностью которой является признание онтологического единства феноменологической и эйдетической реальности.

Указанные положения позволяют интерпретировать правовые взгляды Н. Н. Алексеева как концепцию реалистической феноменологии права – одного из направлений феноменологического типа правопонимания.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.

2. Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 155–168.
3. Баган В. В. Теория православного государства в философии права Николая Николаевича Алексеева // Богословско-исторический сборник. – 2023. – № 3 (30). – С. 26–44.
4. Борщ И. В. Николай Алексеев как философ права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 168 с. EDN: SYLGSR
5. Бибихин В. В. Введение в философию права. – М.: Институт философии РАН, 2005. – 345 с. EDN: QXGCQV
6. Гуссерль Э. Избранное. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
7. Гуссерль Э. Феноменология // ЛОГОС. – 1991. – № 1. – С. 12–21.
8. Гильдебранд Д. Смысл философского вопрошания и познания // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 176–199.
9. Гильдебранд Д. Способы участия в ценностях // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 708–739.
10. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. – М.: Оригинал-макет, 2017. – 352 с. EDN: TEVRDP
11. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М.: Парогъ, 1993. – 235 с.
12. Куликов Е. А. Евразийская философия права Н. Н. Алексеева: учение о ценностях // Социальная компетентность. – 2021. – № 3. – С. 267–277. EDN: ZGVZAW
13. Назмутдинов Б. В. «Правовая структура» Н. Н. Алексеева в контексте идей об особой структуре «Евразии» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 1 (318). – С. 98–111. EDN: UNEANJ
14. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
15. Патыкина М. И. А. Райнах и Н. Н. Алексеев: два проекта феноменологии права // Вестник Гуманитарного института ТГУ. – 2010. – № 1 (7). – С. 7–13. EDN: PELSCJ
16. Поляков А. В. Разочарованный странник (Н. Н. Алексеев и идея государства) // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – С. 234–246. EDN: UXPFNS
17. Райнах А. Собрание сочинений / пер. с нем. В. А. Куренного. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 488 с.
18. Райнах А. О феноменологии. Доклад читанный в Марбурге в январе 1914 г. // Логос 1991–2005. Избранное: в 2-х т. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 355–378.
19. Романова Е. В. Идеи парламентаризма основоположников евразийства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2009. – № 4. – С. 51–53. EDN: TVPKGD
20. Скоробогатов А. В. Аксиологический аспект философии права Н. Н. Алексеева // Вестник Ивановского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 62–69. EDN: HDQTYR
21. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 892 с.
22. Стомба А. В. Темпоральная онтология права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2017. – 355 с.
23. Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. – М.: Проспект, 2017. – 304 с. EDN: PLDFEA
24. Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 379–398.

References

1. Alekseev, N. N. (1998) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg: Law Institute. (In Russian).
2. Alekseev, N. N. (2000) Obyazannost' i pravo [Duty and right]. *Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf. Pp. 155–168. (In Russian).
3. Bagan, V. V. (2023) Teoriya pravoslavnogo gosudarstva v filosofii prava Nikolaya Nikolaevicha Alekseeva [The theory of the Orthodox state in the philosophy of law of Nikolai Nikolaevich Alekseev]. *Bogoslovsko-istoricheskij sbornik – Theological and historical collection*. No. 3 (30). Pp. 26–44.
4. Borshch, I. V. (2015) *Nikolaj Alekseev kak filosof prava* [Nikolai Alekseev as a philosopher of law]. Moscow: Yurlitinform. (In Russian). EDN: SYLCSR
5. Bibihin, V. V. (2005) *Vvedenie v filosofiyu prava* [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow: Institute of Philosophy RAS. (In Russian). EDN: QXGCQV
6. Gusserl', E. (2000) *Izbrannoe* [Selected]. Minsk: Harvest, Moscow AST. (In Russian).
7. Gusserl', E. (1991) Fenomenologiya [Phenomenology]. *LOGOS*. No. 1. Pp. 12–21. (In Russian).
8. Gil'debrand, D. (2006) Smysl filosofskogo voprosaniya i poznaniya [The meaning of philosophical questioning and knowledge]. *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* [Anthology of realistic phenomenology]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. Pp. 176–199. (In Russian).
9. Gil'debrand, D. (2006) Sposoby uchastiya v cennostyakh [Ways of participation in values]. *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* [Anthology of realistic phenomenology]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. (In Russian). Pp. 708–739.
10. Zhukov, V. N. (2017) *Russkaya filosofiya prava: ot racionalizma k misticizmu* [Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism]. Moscow: Original-layout. (In Russian). EDN: TEVRDP
11. Il'in, I. A. (1993) *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog. (In Russian).
12. Kulikov, E. A (2021) Evrazijskaya filosofiya prava N. N. Alekseeva: uchenie o cennostyakh [Eurasian philosophy of law of N. N. Alekseev: the doctrine of values]. *Social'naya kompetentnost' – Social competence*. No. 3. Pp. 267–277. (In Russian). EDN: ZGVZAW
13. Nazmutdinov, B. V. (2015) «Pravovaya struktura» N. N. Alekseeva v kontekste idej ob osoboj strukture «Evrazii» [“Legal structure” of N. N. Alekseev in the context of ideas about the special structure of “Eurasia”]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie. – News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 1 (318). Pp. 98–111. (In Russian). EDN: UNEANJ
14. Novgorodcev, P. I. (1991) *Ob obshchestvennom ideale* [On the Social Idea]. Moscow: Press. (In Russian).
15. Pantykina, M. I. (2010) A. Rajnah i N. N. Alekseev: dva proekta fenomenologii prava [A. Reinakh and N. N. Alekseev: two projects of phenomenology of law]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta TGU – Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*. No. 1 (7). Pp. 7–13. (In Russian). EDN: PELSCJ
16. Polyakov, A. V. (2014) Razocharovannyj strannik (N. N. Alekseev i ideya gosudarstva) [Disappointed wanderer (N. N. Alekseev and the idea of the state)]. *Polyakov A. V. Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Polyakov A. V. Communicative legal understanding. Selected works]. St. Petersburg: Aleph-Press. Pp. 234–246. (In Russian). EDN: UXPFNS

17. Rajnah, A. (2001) *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow: House of Intellectual Books. (In Russian).
18. Rajnah, A. (2005) O fenomenologii. Doklad chitannyj v Marburge v yanvare 1914 [On phenomenology. A report read in Marburg in January 1914]. *Logos 1991–2005. Izbrannoe v 2-h t. T.1.* [Logos 1991–2005. Selected in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Territory of the Future. Pp. 355–378. (In Russian).
19. Romanova, E. V. (2009) Idei parlamentarizma osnovopolozhnikov evrazijstva [Ideas parliamentarism of the founders of Eurasianism]. *Altajskij vestnik gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby – Altai Bulletin of the State and Municipal Service*. No. 4. Pp. 51–53. (In Russian). EDN: TVPKGD
20. Skorobogatov, A. V. (2023) Aksiologicheskij aspekt filosofii prava N. N. Alekseeva [Axiological aspect of the philosophy of law of N. N. Alekseev]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Ivanovo State University*. No. 1. Pp. 62–69. (In Russian). EDN: HDQTYP
21. Solov'ev, V. S. (1988) *Sobranie sochinenij v 2-h t. T.1.* [Collected Works in 2 volumes. T. 1.]. Moscow: Mysl. (In Russian).
22. Stovba, A. V. (2017) *Temporal'naya ontologiya prava* [Temporal ontology of law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
23. Frolova, E. A. (2017) *Metodologiya i filosofiya prava: ot Dekarta do russkih neokantiancev* [Methodology and philosophy of law: from Descartes to Russian neo-Kantians]. Moscow: Prospect. (In Russian). EDN: PLDFEA
24. CHuhina, L. A. (1994) CHelovek i ego cennostnyj mir v fenomenologicheskoy filosofii Maksa SHelera [Man and his value world in the phenomenological philosophy of Max Scheler]. *SHeLER M. Izbrannye proizvedeniya* [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnosis. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.01.2025
Принята к публикации: 29.01.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 18 January 2025
Accepted: 29 January 2025
Published: 31 March 2025